

© 2018 г.

А.С. КАПТО

СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

КАПТО Александр Семенович – доктор философских наук, зав. кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН, Москва, Россия (19mir90@mail.ru).

Аннотация. Рассматривается генезис и становление Советской социологической ассоциации, ее роль и место в социологическом ренессансе (1950–1980), завершившемся институционализацией отечественной социологии в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины. На основе официальных документов и архивных материалов осуществлен анализ этапов, конкретных событий и персоналий «возрожденческого» процесса в социологии, им дана объективная оценка, доказана несостоятельность фальсификаций в этой области. Рассмотренная в статье проблематика касается: 1) интеграции советской социальной науки после 1953 г. в Международную социологическую ассоциацию как первых шагов институционализации социологии в СССР; 2) ключевых проблем создания Советской социологической ассоциации, включая вклад конкретных ученых того времени в выработку и принятие релевантных решений; 3) институционализации отечественной социологии как завершающего этапа ренессанса социологии в нашей стране.

Ключевые слова: социология • социологический ренессанс • институционализация • интеграция (научная) • международное сотрудничество • конвергенция

DOI: 10.31857/S013216250003175-5

Истоки. Оставив в стороне версии истоков Советской социологической ассоциации (ССА) в жанре социологического фольклора, используемого для самоутверждения (в постсоветское время) претендентов на статус первопроходцев в зарождении ССА, обратимся к фактам, зафиксированным в официальных документах и раскрытых в последнее время архивных материалах.

12 декабря 1956 г. директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев и главный редактор журнала «Коммунист» М.Д. Каммари, возвратившись с III Международного конгресса социологов в Амстердаме, направили «в инстанции» записку об итогах работы этого форума и участии в нем советской делегации. В документе отмечалось: «Руководством конгресса в частных беседах перед нами был поставлен вопрос о вступлении в Социологическую Ассоциацию, которая существует под покровительством ЮНЕСКО. При этом обращалось внимание на то, что в международные организации могут входить, как правило, социологические общества, а не отдельные лица и учреждения. У нас соответствующего общества нет. Целесообразно было бы обсудить этот вопрос и при Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР организовать такое общество, которое могло бы вступить в Международную Социологическую Ассоциацию» [Российская социология..., 1992: 578].

Это событие и стоящие за ним советские ученые и есть первый шаг в инициировании вопроса об учреждении Советской социологической ассоциации. Значимость

происшедшего на Конгрессе в Амстердаме для советской социологии этим не исчерпывается. Документально подтвержденные факты придают этому событию исторический масштаб. Прежде всего обратим внимание на приведенные выше слова: инициировали налаживание контактов между Международной социологической ассоциацией (МСА) и советскими социологами, вступление их в нее организаторы амстердамского социологического конгресса, а не делегация АН СССР. Тем самым было продемонстрировано желание МСА сотрудничать с советскими социологами, исповедовавшими критикуемую многими западными исследователями марксистскую социологическую доктрину.

К числу примечательных моментов Международного социологического конгресса в 1956 г. относится отход его организаторов от классического для таких случаев формата, когда на форуме с основным докладом выступает глава национальной делегации, а входящие в ее состав ученые участвуют в прениях или кратко выступают в жанре «сообщений». В данном случае всем без исключения членам советской делегации была предоставлена возможность выступить с обстоятельными докладами: П.Н. Федосеев «Законы социальных изменений»; В.С. Немчинов «Изменения социальной структуры СССР»; И.А. Каиров «Развитие народного образования в СССР»; М.Д. Каммари «Изменение национальных взаимоотношений в СССР»; Л.Т. Гатовский «Создание новой социалистической системы хозяйства – главное в экономическом изменении XX века»; С.Ф. Качекий «Общественное развитие и право»; Г.М. Свердлов «Изменение в семейных отношениях в СССР»; Х.С. Сулейманова «Изменения в семейных отношениях в советских республиках»; М.И. Моисеев «Колхозный строй в СССР»; А.М. Румянцев «Об использовании экономических законов в интересах общества».

На состоявшемся во время конгресса ужом, но престижном совещании по вопросу об участии социологов в разработке проблем мирного сосуществования с представителями США, Англии и Франции, как постоянных членов ЮНЕСКО, была оказана высокая честь и советской стороне, хотя к этому моменту она в отличие от постоянных членов ЮНЕСКО обладала статусом «приглашенной». Исключение для советской делегации было сделано и тогда, когда на амстердамском конгрессе социологов решался вопрос о создании двух комитетов по подготовке выпуска сборников статей по вопросам: а) экономические и культурные взаимоотношения между странами; б) роль печати и радио в формировании общественного мнения в духе мирного сосуществования. Организаторы конгресса даже предложили советской стороне выделить в состав этих комитетов представителей, что с благодарностью было принято.

Словом, советские ученые, вернувшись с этого социологического конгресса, в качестве отчета о результатах своей работы имели возможность доложить о принципиально важных достижениях: а) договоренность с руководством МСА о налаживании постоянного сотрудничества между ней и советскими учеными и вступлении СССР после ее создания в МСА; б) приехав на конгресс в статусе приглашенных, не будучи членами МСА и не имея опыта сотрудничества с этой международной организацией, они вернулись в Москву в ином качестве, получив предложение по интеграции несформировавшейся пока еще отечественной социологической организации в международное сообщество социологов. Приглашение советской организации вступить в МСА – это выдающийся прыжок с нулевой отметки в совершенно иное качество практической социологической интеграции. Таков был первый кирпичик институционализации отечественной общественной организации социологов-профессионалов.

Для полноты картины – еще один, по нашему мнению, крайне важный сюжет. Сейчас в части социологического сообщества устоялось мнение о запрете ЦК КПСС поездки социологов в конце августа 1953 г. на Международный социологический конгресс в бельгийском Льеже. Отмена запрета якобы была связана с последовавшим амстердамским конгрессом социологов, когда, как утверждают авторы введения к первому тому трехтомника «Социология и власть», произошли существенные сдвиги в отношении академического и партийного руководства к социологии [Социология и власть, 1997: 15]. Такое утверждение бездоказательно. Якобы партийные «запреты» социологии в описываемое время

и то, что советская делегация приняла участие в амстердамском конгрессе (Г.В. Осипов: «несмотря на сопротивление ЦК»), связаны с версией, получившей распространение на постсоветском информационном пространстве, о принятии в 1953 г. концепции ЦК КПСС, объявившей социологию «лженаукой», что означало фактически запрет этой научной дисциплины. Сюда примыкает и сделанное Г. Осиповым на юбилейной научной сессии РАН в связи с годом социологии в России (26 марта 2008 г., Москва) заявление о якобы «запретном» периоде социологии с 1929 по 1955 г. В ответ на это «Социологический журнал» дал в редакционной статье такую справку: «Официальному запрету со стороны советской власти российской социологии не подвергалась ни в этот период (1929–1955), ни в какой-либо другой» (курсив мой. – Прим. А.К.) [Юбилейная научная сессия..., 2008: 68].

Кстати, осуществленная нами экспертиза как «запрета» социологии, так и других версий разного времени (конструирование социологического переворота в 1929 г. в Институте философии, в результате чего социология якобы была названа лженаукой и запрещена; идеологически мотивированные запреты некоторым ученым заниматься не только социологией, но и общественными науками вообще; обращение вице-президента АН СССР к районному прокурору «дать» председателю ССА пару лет тюрьмы и т.д. и т.п.) не подтвердила ни одной из названных и подобных историй.

Возвращаясь к несостоявшейся по вине якобы властей поездке отечественных ученых на конгресс 1953 г., который при других обстоятельствах мог стать прелюдией к созданию ССА, обратим внимание на механизм формирования в данном случае *постправды*. Началось все с обращения организаторов конгресса в Льеже, минуя необходимый в данном случае дипломатический канал, напрямую к АН СССР, с которой МСА не имела к тому времени связей. При рассмотрении поступившего приглашения в Отделении истории и философии (А.М. Панкратова), экономики и права (И.П. Качалов) и в Президиуме АН СССР (А.В. Топчиев) была выработана общая безальтернативная позиция: считать «нецелесообразным» участие в конгрессе социологов. Основание – вопросы, включенные в программу конгресса (результаты исследования социального происхождения определенных групп населения, например, преподавателей, чиновников и т.д.; проекты эмпирических исследований в области социального состава населения, общественного положения и социального изменения, юридическая техника разрешения конфликтов и др.), для советских ученых не представляют «никакого интереса», тематика программы «не является актуальной, так как она оторвана от научных проблем современной жизни и борьбы за мир во всем мире» [Социология и власть, 1997: 15]?!

Разумеется, нельзя не удивляться такой «отказной» аргументации, принадлежащей высокостатусным деятелям АН СССР. Тем не менее 27 августа 1953 г. главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР А.В. Топчиев по поручению руководства Академии отправил на имя заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС А.М. Румянцева (будущего директора Института конкретных социальных исследований) записку, в которой в полном объеме были изложены названные «отказные» аргументы, повторены предложение о «нецелесообразности» участия ученых АН СССР в конгрессе и заключительный тезис – «Просим Ваших указаний». Долго ждать указаний партийного начальства не пришлось: 5 сентября 1953 г. записка Отдела науки и культуры по этому вопросу, на 100% дублируя академический документ, легла на стол секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова. Судя по всему, тому не пришлось долго думать о содержании «указаний» для академического руководства: через два дня на записке Отдела ЦК стояла резолюция «Согласен. П. Поспелов. 7.09.56 г.», и далее помета «Тов. Топчиеву, Панкратовой и Качалову сообщено о согласии тов. Поспелова с их предложениями. А. Лихолат». То есть П.Н. Поспелов лишь согласился с консолидированным предложением руководителей АН СССР по этому вопросу. О «запретах», как говорится, ни в строках, ни между строк.

Следовательно, нет никаких оснований связывать конгресс в Амстердаме с отменой запрета властями на участие в нем советских ученых. Что касается истинных причин несостоявшейся поездки делегации СССР на конгресс в Льеже, то они объясняются

обстоятельствами иного плана, о чем говорит фраза из упоминавшегося письма АН СССР от 27 августа 1953 г. в адрес А.М. Румянцева. Эта записка по сей день игнорируется исследователями социологии, но в ней, по нашему мнению, как говорится, зарыта собака в объяснении причин неучастия делегации СССР в конгрессе 1956 г.: «Конгресс созывается международной ассоциацией социологов, которая является детищем «ЮНЕСКО», в деятельности которой, как известно, Советский Союз участия не принимает» [Социология и власть, 1997: 15].

Явный негативизм по отношению к аббревиатуре «ЮНЕСКО», преднамеренно взятой в кавычки, название МСА ее «детищем», подчеркивание неучастия СССР в ее деятельности – это позиция официальной Москвы. Членом ЮНЕСКО Советский Союз в то время не был, контакты с ней строились по логике «холодной войны». Выявленные в последнее время архивные материалы позволяют избавиться от версии о том, что основной причиной отсутствия легитимных связей отечественных социологов с МСА до Международного социологического конгресса в Амстердаме был запрет социологии властями, а не обстоятельства внешнеполитического характера – неучастие СССР в ЮНЕСКО. Поэтому вступление 21 апреля 1954 г. Советского Союза в эту организацию открывало дорогу к оформлению легитимного членства отечественных социологов в МСА, участию в международных социологических конгрессах в качестве официальных представителей советской науки. Это произошло не в последнюю очередь благодаря линии штаб-квартиры ЮНЕСКО и лично ее тогдашнего генерального директора Л. Эванса на установление организацией прямых и деловых контактов с государствами-членами.

В итоге Президиум АН СССР на основе упомянутой нами записки П.Н. Федосеева и М.Д. Каммари об итогах конгресса подготовил документы, включавшие предложения по организационным вопросам, и направил их 26 декабря 1957 г. на рассмотрение в ЦК КПСС. 11 февраля 1958 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей (она в качестве постоянно действующего органа наряду с секретариатом и Президиумом ЦК КПСС была образована 3 января 1958 г.) по докладной записке Отдела науки ЦК приняла постановление «О создании Советской социологической ассоциации и вступлении ее в Международную социологическую ассоциацию». Подписи «за» поставили члены комиссии – Е.А. Фурцева, П.Н. Поспелов, Н.А. Мухитдинов, М.А. Суслов. При обсуждении вопроса состоялась конструктивная дискуссия. В ней приняли участие (в порядке выступлений): А.В. Топчиев, В.А. Кириллин, Н.А. Мухитдинов, П.Н. Поспелов, М.А. Суслов.

13 июня 1958 г. Президиум АН СССР принял по этому вопросу постановление. Состоялось собрание представителей научных учреждений – учредителей Ассоциации. Это Институт философии АН СССР, Научно-исследовательский институт труда при Комитете по труду и зарплате при Совете Министров СССР, Институт экономики АН СССР, Институт права АН СССР, Институт этнографии АН СССР, Институт философии АН Украины, Институт философии и права АН Белоруссии, Ученый совет философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра диалектического и исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС, кафедра философии Института международных отношений. Собрание рассмотрело вопрос «Об организации Советской социологической ассоциации», приняло устав ассоциации; были проведены выборы Президиума ассоциации, ее председателя (Ю.П. Францева) и заместителя председателя (Г.В. Осипова), трех членов Президиума и ученого секретаря.

Ключевые проблемы создания ассоциации. При обсуждении вопроса создания ССА наиболее острыми оказались (при несомненной важности других) две проблемы: о характере и задачах создаваемой ассоциации и формировании ее руководящего органа. Вопрос о целях и «философии» социологической ассоциации оказался сложным и при создании в 1949 г. МСА. Этот опыт, и особенно Устав МСА, были использованы при учреждении ССА: наделение ее статусом неправительственной самостоятельной организации, создание ее «для чисто научных целей», ее членами должны быть, «как правило, только

социологические организации», объединяющие научно-исследовательские институты и отдельных социологов этой или другой страны [Решение, устав, руководящие органы..., 1977: 75]. Признано было целесообразным текущую работу ассоциации поручить Институту философии АН СССР.

Посмотрим (нарушив хронологию), как подается кадровый вопрос создания ССА сейчас: председателем правления ССА избрали «несоциолога» Ю.П. Францева, причем «временно». Его заместителем стал «настоящий социолог» Г.В. Осипов, который в ближайшее время должен был сменить «истматчика» на посту руководителя ССА: «Председателем временно (поскольку он был ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС) был избран Ю.П. Францев, а я его первым и единственным заместителем» (см.: Г. Осипов в: [Митрохин, 2005: 82]) – на учредительном собрании по созданию ССА Осипов Г.В. избирался заместителем. Растиражирована придумка, что Ю.П. Францев, *«не занимаясь социологией, ... однако, принял решение возглавить эту ассоциацию, разумеется, при условии, что его заместителем станет действительный социолог Г.В. Осипов»* [Академик Г.В. Осипов..., 2009: 49] (курсив мой. – Прим. А.К.).

При определении роли академиков в признании научного статуса социологии первому председателю ССА Францеву и первому директору ИКСИ А.М. Румянцеву отведена «нейтральная позиция» [Социология и власть, 1997: 101]. Профессор И.Б. Орлова идет дальше: Г.В. Осипов был первым председателем Советской социологической ассоциации [Встречи с Питиримом Сорокиным, 1997: 103]. В 2005 г. было заявлено: «Исторический факт: Г.В. Осипов явился инициатором создания Советской социологической ассоциации в системе научных учреждений АН СССР (13 февраля 1958 г.)» [Социология и власть, 1997: 643], а также – «я практически создавал Советскую социологическую ассоциацию», а М.Н. Руткевич «резко сузил ее деятельность» (слова Г. Осипова, цит. в: [Митрохин, 2005: 549]). По сути, Г.В. Осипов объявил себя «инициатором» учреждения ССА и ее «создателем». Последовало и утверждение И. Земцова о том, что Г.В. Осипов был «первым социологом», занявшим пост председателя ССА, сменив «престарелого философа Ф. Константинова» [Социология в СССР, 2008: 436] (Федор Васильевич никогда не был руководителем ССА). И т.д. – см., напр.: [Академик Г.В. Осипов – патриарх..., 2009: 156].

Профессионально несостоятельные, морально ущербные кульбиты не могут не вызывать удивления. Переведем разговор в плоскость документальной конкретики. В направленной 26 декабря 1957 г. Президиумом АН СССР в ЦК КПСС записке «О создании Советской социологической ассоциации» содержался пункт о целесообразности избрать председателем правления АСС академика М.Б. Митина. В ЦК предложение не поддержали. В записке Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС от 3 февраля 1958 г. появился пункт о целесообразности утвердить Председателем ССА доктора исторических наук Францева Ю.П., являющегося *«видным специалистом по современной зарубежной социологии»* [Социология и власть, 1997: 44] (курсив мой. – Прим. А.К.). Замечу, есть исследование, раскрывающее масштаб личности Юрия Павловича – крупного ученого, в том числе социологии [Романовский, 2010: 105]. С изменениями отдела ЦК в отношении рекомендации Ю.П. Францева руководителем ССА Президиум АН согласился. К 11 февраля 1958 г., т.е. к моменту рассмотрения Комиссией ЦК КПСС вопроса об учреждении ССА и ее вступлении в МСА, вопрос о председателе ССА был решен без альтернатив, тем более без определения его «временного» статуса. Если принять версию о намечавшемся временном исполнении Ю.П. Францевым обязанностей председателя ССА, встает вопрос, зачем после создания ССА он на Всемирном социологическом конгрессе (Милан – Стреза, сентябрь 1959 г.) был рекомендован (Президиумом АН СССР по согласованию с ЦК КПСС) членом Совета МСА на 1959–1961 гг. У Президиума АН СССР и «директивных органов» не было мотивов решать этот вопрос «по временной схеме».

Подчеркнем: на всех этапах решения вопроса о руководителе ССА, как свидетельствуют документы, кандидатура Г.В. Осипова не возникала. Он не был и на Амстердамском социологическом конгрессе, где по вопросу создания ССА было «сказано да».

Конечно, никто не может отрицать, что в большом деле наряду с инициаторами идеи создания ССА, с теми, от кого зависело решение ключевых вопросов институционализации ассоциации (Президиум АН СССР и директивные органы), были исполнители. В их числе был Г.В. Осипов. Стремление исполнителя конкретных поручений превратить себя задним числом (по прошествии нескольких десятилетий!) в единственного «инициатора-создателя» ССА – как минимум, некорректно.

Францев, получив карт-бланш на свободу действий, занялся подбором и согласованием кандидатур в состав руководящего органа ассоциации. Ему, бывшему директору Института международных отношений Народного комиссариата иностранных дел СССР, должен быть благодарен выпускник этого вуза Г.В. Осипов за честь войти в состав руководства ССА. Но, увы... во время массовой «перелицовки» душ и мыслей академик Ю.П. Францев «переведен» в категорию «не занимавшихся социологией» [Вехи российской социологии 1950–2000-е гг., 2010: 102]. Абсурдна и ссылка на его «временный» статус председателя ССА на том основании, что он в то время руководил АОН при ЦК КПСС. Напротив, ученый-руководитель такого ранга – самая подходящая кандидатура главы ассоциации. Это аксиома.

Нельзя не отреагировать на еще один из перлов: «*вопреки ожиданиям партийного руководства (!), Советская социологическая ассоциация развернула активную деятельность по самым разным проблемам становления и развития социологического знания и его практического применения*» [Социология и власть, 1997: 298] (курсив мой. – Прим. А.К.). Получается: партийное руководство, приняв по вопросу положительное решение, исходило из того, что оно заведомо не будет реализовано.

Нахождение самой себя. В довольно большой литературе, посвященной проблемам отечественной социологии, мало разработаны вопросы ее международной интеграции в период социологического ренессанса и роль в ней ССА. Эта часть исследований фрагментарна, не концептуализирована, не оформлена как направление исследований, в монографических трудах и учебной литературе не выделена в специальные разделы. Есть неточности и искажения в изложении событий, субъективные оценки участников возрожденческого процесса, а личная мемуаристика заслоняет официальные документы. В оценке деятельности ССА, сделавшей много для осуществления социологического ренессанса, противопоставлены ее внешние (международные) и внутренние аспекты. Это, по нашему мнению, объясняется не неправильно обозначенными директивными и академическими структурами функциями возрождающейся социологии, как нередко преподаются публикаторы, а недостатками в практической их реализации.

В записке АН СССР «О создании Советской социологической ассоциации» от 26 декабря 1957 г. в качестве стратегии ССА, наряду с формулировкой «основной задачей Ассоциации будет представительство в Международной социологической Ассоциации», определены (близко к Уставу МСА) исследовательские проблемы – основа деятельности ассоциации. Это общие проблемы общественного развития, социальная структура, вопросы собственности, национальный вопрос, социологический аспект международных отношений, проблемы права, морали, семьи, образования, а также методы социологических исследований и обучение социологии [Социология и власть, 1997: 39].

Для решения этих задач возникла острая необходимость в инфраструктуре. По примеру МСА в ССА были созданы проблемные секции, которые позволили, с одной стороны, расширить тематику и дифференциацию изучаемых социологических проблем, с другой – расширить состав участников социологического возрождения. Отделения и филиалы Ассоциации были созданы в республиках, в научных центрах, имевших более 100 членов: Московское, Азербайджанское, Белорусское, Украинское, Прибалтийское, Северо-Западное, Уральское, Поволжское. Показательно: в государствах, бывших союзных республиках СССР отделения Ассоциации стали опорными точками становления социологии. В России они сыграли большую роль в развитии региональной социологии – по территориальному признаку и тематике. В начале 1990-х гг. ССА насчитывала около шести тысяч индивидуальных и 1,3 тысяч коллективных членов, 20 республиканских отделений.

Что касается интеграции отечественной социологии в международное научное сообщество в условиях жесткой идеологической борьбы общественных систем, то возникает необходимость уточнить употребляемый при этом понятийный аппарат. Изоляционизм сталинских времен – это самоизоляция от мирового сообщества, от творческих контактов с зарубежными национальными и международными научными организациями. Конвергенция – поиск потенциала сотрудничества двух противостоящих систем социальных наук в исследуемый период – марксистской и «буржуазной». Интеграция – взаимное обогащение достижениями социологической науки участников дву- и многостороннего научного сотрудничества. Институционализация – этап эволюционного развития социологии, завершившийся официальным признанием социологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины. В международном плане институционализация социологии СССР означала превращение ССА в субъект международного сотрудничества в сфере социологии.

Особенностями институционализации международного сотрудничества отечественной социологии были:

- функционирование западной социологии регулировалось университетскими структурами без вмешательства государственных органов, процесс интеграции советской социологии в международное социологическое сообщество и ее институционализации проходил под контролем научно-партийного руководства;

- преодоление международной изоляции происходило при полном отсутствии институционализированной социологической науки на национальном уровне, при отсутствии ее легитимной структуры, даже отдельных социологических кафедр, факультетов и пр. Поэтому международная институционализация шла параллельно с определением предмета и теоретико-методологического фундамента советской социологии, отработкой инструментария исследований;

- активный процесс интеграции отечественной социологии в международное научное сообщество начался при отсутствии связей советской социологии с МСА, Международным институтом социологии и связей с национальными организациями.

В этом контексте еще до создания ССА, когда Советский Союз, вступив в 1954 г. в ЮНЕСКО, не оформил членства в МСА, секретариат ЮНЕСКО обратился с предложением провести Международное совещание социологов по вопросу мирного сосуществования. Подчеркивалось пожелание такое совещание созвать в Москве. В состоявшемся с 6 по 11 января 1958 г. совещании по этому вопросу приняли участие зарубежные социологи: Ж. Фридман – президент МСА; Т. Боттомор – исполнительный секретарь МСА; французский социолог Р. Арон; голландский социолог ден Холландер; редактор «Американского журнала социологии» Э. Хьюз; западногерманский социолог Х. Шельски и др. С советской стороны участвовали и выступили вице-президент АН СССР К.В. Островитянов, директор Института философии П.Н. Федосеев, заместитель директора Института философии В.Ф. Берестнев.

Ключевым звеном международной интеграции стало многоплановое сотрудничество ССА с МСА, членом которой она стала в 1958 г. Делегации советских ученых участвовали во всех последующих Всемирных социологических конгрессах: IV (Стреза, Италия, 8–15 сентября 1959 г.), V (Вашингтон, США, 2–8 сентября 1962 г.), VI (Эвиан, Франция, 4–10 сентября 1966 г.), VII (Варна, Болгария, 14–19 сентября 1970 г.), VIII (Торонто, Канада, 19–24 августа 1974 г.), IX (Упсала, Швеция, 14–19 августа 1978 г.), X (Нью-Дели, Индия, 1986 г.).

Черты эволюционного процесса международной институционализации отечественной социологии, на наш взгляд, отражены в ответах на анкету «Советская социология глазами западных ученых» представителей немарксистской социологии, участников эвианского социологического конгресса (1966). Конгресс открылся провозглашением французским профессором Р. Ароном тезиса, что, несмотря на оговорки, к тому времени было две наиболее влиятельные социологические «школы» – советская и американская. И это при том, что еще недавно западные социологи вообще отрицали наличие социологических исследований в СССР. Шведский социолог Р. Персон подытожил работу эвианского конгресса: «Я лично был поражен тем фактом, что в настоящее время и советские, и

западные социологи говорят на одном языке» [Социология и власть, 1997: 109]. М. Доган (Франция) констатировал динамику изменений в советской социологии по мере ее интегрирования в международное социологическое сообщество: на конгрессе в Амстердаме в 1956 г. в докладах делегатов из СССР превалировала пропаганда, на конгрессе 1959 г. многие его участники заметили «изменения в поведении советских представителей»; на конгрессе в Вашингтоне в 1962 г. можно было наблюдать дальнейший прогресс, но на конгрессе в Эвиане в 1966 г. М. Доган «впервые ощутил, что диалог с социологами из советских университетов не только возможен, но и плодотворен и интересен» [Социология и власть: 122] (курсив мой. – Прим. А.К.). «В 1956 и в 1959 гг. – продолжал он, – советские ученые, казалось, были, скорее, философами или историками, нежели социологами, в то время как в Эвиане я уже имел дело с замечательными социологами, владеющими труднейшими методами социологического исследования» [там же].

Вклад советских социологов в эвианский конгресс резюмировал бельгийский профессор А. Жан: 1) они познакомили участников конгресса с первыми результатами своих эмпирических исследований; 2) показали, отчасти косвенно, влияние этих эмпирических исследований на их систему теоретических интерпретаций; 3) интерпретировали свои результаты в рамках определенных теоретических положений, что не всегда делают западные социологи; 4) показали более широкий объем компетенции в области западной социологии; 5) занялись полезным критическим анализом этой западной социологии. Американский социолог Р.К. Мертон писал об изменениях в советской социологии между вашингтонским и эвианским конгрессами: «Наши советские коллеги сделали большой шаг вперед в развитии серьезных эмпирических исследований, зачастую, по вопросам, имеющим фундаментальный теоретический интерес. Этим, мне кажется, была создана солидная основа для продолжения интеллектуального общения между советскими социологами и их коллегами в Европе и США» [Социология и власть, 1997: 142].

Разумеется, сказанное выше о советской социологии в период ее возрождения – одна сторона проблемы. Другая заключается в наличии в указанное время многих нерешенных задач, упущений в институционализации социологии как самостоятельной научной дисциплины, в том числе в сфере ее интеграции в международное научное сообщество. Конечно, на международную интеграцию отечественной социологии в период социологического ренессанса воздействие оказывали разнонаправленные факторы: влияние глобальной идеологической борьбы в условиях биополярного противостояния и поиск в этих условиях конструктивно настроенными представителями социальных наук (марксистской и «буржуазной») интеграционного потенциала, общих или близких позиций взаимодействия в интересах развития социологической науки.

Институционализация отечественной социологии – завершающий этап социологического ренессанса. В части литературы по истории отечественной социологии одностронне, с политизированных позиций освещается завершающий этап социологического ренессанса – осуществленная в 1988 г. Постановлением Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» институционализация социологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины. Неполно и неглубоко раскрывается переход от советской монопарадигмальной социологии к мультипарадигмальной социологической науке. Некоторые авторы характеристику названного документа ограничивают констатацией, что в номенклатуре научных специальностей «социология» была отделена от «философии», что Институт социологических исследований АН СССР получил новое название Института социологии, а смена названия рассматривалась как получение социологией дисциплинарной автономии.

В рамках максимальной объективности, оставив в стороне некоторые условности конъюнктурного характера, в том числе и непопулярность ссылок на авторитет решений органа, благополучно и фактически безропотно ушедшего в историческое небытие (в конце концов, можно сослаться на Постановление Президиума АН СССР от 13 июня 1958 г., адаптировавшего документ Идеологической комиссии ЦК КПСС по этому вопросу

применительно к жанру академического делопроизводства), и учитывая принципиально иные теоретико-методологические основания общественных наук в постсоветское время, все же попытаемся конкретизировать ответ на вопрос, что означает этот, скажем прямо, нестандартный для партийной практики шаг.

По нашему мнению, по сути поднятых в партийном документе проблем он выходил далеко за рамки деятельности партии и имел фактически общегосударственный масштаб, политической «крышей» для которого и стал всесильный партийный документ. Его содержание определялось не профессионалами-учеными, которые в качестве главной «ударной силы» были включены в состав решавшей этот вопрос Комиссии Политбюро ЦК: вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев, президент ССА, академик Т.И. Заславская, академик А.Г. Егоров, доктор философских наук, директор Института социологических исследований В.Н. Иванов, доктор философских наук Ж.Т. Тощенко, заместитель заведующего Отделом науки ЦК КПСС В.В. Рябов. В критический момент в фактически тупиковой ситуации Татьяна Ивановна попросила аудиенции у генсека, подчеркнув, что она действует как президент ССА. Реакция была незамедлительной.

В чем суть состоявшейся в 1988 г. институционализации социологической науки? Во-первых, включение в реформирование социологической науки не только академической и вузовской структур, но и государственных, хозяйственно-экономических, финансовых и общественных структур – свидетельство придания проводимой работе не ведомственного, а общегосударственного масштаба, – первый в мировой практике опыт подобного рода. Во-вторых, социологическая наука обрела качественно новые теоретические, методологические и методические очертания «социологии как науки». В-третьих, принципиально важный элемент – впервые в партийном документе не употребляется термин «исторический материализм», длительное время – «яблоко раздора» между философами и социологами, что само по себе равносильно, по крайней мере, важному шагу в формировании нового облика отечественной социологии. В-четвертых, в документе обеспечение органического сочетания единства целей и задач социологии связывалось с «разнообразием школ, направлений и методов работы», что означало официальное признание плюрализма мнений в развитии социологии. В-пятых, официальный отказ от административно-командного стиля так называемого партийного руководства наукой. В-шестых, еще одно новшество – отсутствие в этом постановлении ритуальных для партийных документов по общественным наукам критических пассажей в адрес «буржуазной социологии», неупотребление этого термина даже в плане необходимости использования советской социологией, как раньше об этом говорилось, некоторых позитивных сторон зарубежной социологии. В документе место термина «буржуазная социология» заняла «немарксистская социология» (в научной литературе этот термин употреблялся, но в партийном документе это – первый случай), не стало «критики реакционных социологических концепций». В совокупности указанные новации означали официальное превращение отечественной социологии из монопарадигмальной в самостоятельную мультипарадигмальную общественную науку – наряду с историей, философией, экономической наукой, филологией и т.д.

В конечном итоге произошла не только институционализация отечественной социологии. Завершались ее советский период и его трансформация в постсоветскую фазу развития – без командно-административных методов руководства, исторического материализма, без догматически трактуемого классового подхода, когда гипертрофированное применение формул приводило к деформациям диалектического триединства: классовое – национальное – интернациональное. Утверждение плюрализма социологических теорий в постсоветской идеологии после снятия с «пьедестала» исторического материализма как «единственно научной» опоры включало в себя и модель оглядки на прошлое (например, на начальном этапе обращение к концепции структурного функционализма), и новые «прозападные» подходы, адаптированные к российскому обществу, и неоднозначно воспринимаемые концепции «консервативной социологии», неким образом связанной с православием, и более адекватные современным реалиям

инвайронментальные концепции, теории рисков, активистские подходы с ориентацией на деятельность субъектов, глобализационные проекты и др.

На последнем общем собрании Академии наук СССР 9–10 октября 1991 г. в прощальном слове президент Академии Г.И. Марчук, назвавший собравшихся в зале, в том числе себя, «участниками исторической драмы», прогнозируя будущее, указал, что вновь созданная РАН будет «ареной действий трех сил», которые действовали в последние годы существования АН СССР: во-первых, последовательные сторонники сохранения необходимых для выживания нации структур и эволюционного реформирования науки (в условиях безбрежного плюрализма мнений они были объявлены «ретроградами»); вторая сила – «радикалы, имеющие могучую поддержку прессы», надеявшиеся построить «цивилизационную науку», разрушив «имперское образование», каким они считали АН СССР; третья сила – «молчаливое большинство», от которого, по мнению Гурия Ивановича, в конце концов, зависит судьба нашей науки. Ситуация с институционализированной в качестве самостоятельной науки «социологией-1991» вообще и ССА в частности, стопроцентно, один к одному соответствовали описанным Гурием Ивановичем действиям в академическом сообществе «трех сил» с несовпадающим видением путей разрешения кризисной ситуации.

Так значение выдвинутой профессором Н.И. Лапиным на Пленуме ССА 6 марта 1989 г. инициативы создать Российское общество социологов, вскоре реализованной, определяется, кроме прочего, двумя принципиальными моментами. 1) Укреплении консолидационной тенденции российских социологов в условиях лавинообразного «парада суверенитетов» административно-территориальных и национальных территорий СССР, пагубно сказывавшегося на научной сфере. И 2) созданием РОС, как оказалось, удалось безболезненно и, главное, легитимно осуществить в 1991 г. процедуры правопреемственности ССА и РОС, включая представительство в Международной социологической ассоциации.

Усилия к обеспечению целостности ССА, поддержанию ее шаткой жизнедеятельности приложил избранный первым съездом социологов СССР в 1991 г. в соответствии с Уставом и формой правления ассоциацией «социологический триумвират» сопредседателей Организации в составе ветеранов социологического возрождения: В.А. Ядов – Ж.Т. Тощенко – А.Г. Здравомыслов.

Продолжали поиск путей сохранения единого социологического пространства после прекращения существования ССА (конец 1991 – начало 1992 гг.) создание (февраль 1993 г.) на основе старых связей Профессиональной социологической ассоциации и принятие (июнь 1993 г.) на конференции «Многообразие интересов и институты власти» Декларации о создании содружества социологических ассоциаций: президент – А.Г. Здравомыслов, вице-президенты К.И. Исаев (Киргизия) и Г.А. Погосян (Армения). С именем профессора В.А. Мансурова связано «возмужание» РОС как правопреемника ССА на национальном и международном уровнях, в МСА, членом совета которой он стал в 1994 г.

К сожалению, после многолетней успешной деятельности РОС не из ничего, как порой считают, а из-за притязаний на первопроходчество в социологическом строительстве возникли выражения сомнений в легитимности принятия РОСом на себя права быть правопреемником ССА. Выдвигались аргументы, вызывающие удивление: 2/3 голосов при принятии решения на общем собрании ССА о прекращении ее деятельности, тогда когда она прекратила существование, а ассоциации союзных республик ушли в «автономное плавание»; утверждение, что решением РАН как правопреемницы АН СССР надо было упразднить ССА, как якобы структурное подразделение бывшей общесоюзной академии. Игнорировалось, что ССА не была структурным элементом академии. В учредительных документах ССА, ее уставе определено, что социологическая ассоциация – добровольное и самостоятельное объединение научных и учебных заведений.

Долг нынешнего поколения отечественных социологов – обеспечить будущей гениации социологов «абсолютную безработицу» в части выявления фальсификаций социологического ренессанса, его субъективистских оценок. Социология, претендуя на статус наиболее точной среди общественных наук, должна быть максимально правдивой.

Заключение. Высказанные в статье мысли позволяют уточнить складывавшиеся до сих пор представления о процессе институционализации социологической науки в нашей стране, особенно в части личного вклада в этот процесс конкретных деятелей советской науки. На основе серьезной документальной базы удалось показать заслуги тех крупных советских ученых, которые ушли из жизни и не смогли повлиять на создание правдивой картины социологического ренессанса в СССР (Ю.П. Францов, А.М. Румянцев, Т.И. Заславская и др.). Вместе с тем реализована возможность внести коррективы в складывавшиеся не без усилий со стороны академика РАН Г.В. Осипова далекие от научной строгости представления о вкладе конкретных лиц в этот процесс. Можно ждать новых шагов в данном направлении исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009.
Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. СПб.: Алетейя, 2010.
Встречи с Питиримом Сорокиным / Под. ред. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.
Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: РХГА, 2005.
Решение, устав, руководящие органы Советской социологической ассоциации. М.: АН СССР, ССА, 1977.
Романовский Н.В. Первый президент Советской социологической ассоциации академик Г.П. Францев // Вехи российской социологии. 1950–2000-е гг. СПб.: Алетейя., 2010. С. 96–104.
Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах // Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб.: Русск. христиан. гум. ин-т., 1992.
Социология и власть. Документы. 1953–1968. Сб. 1. М.: Академия наук, 1997.
Юбилейная научная сессия РАН (26 марта 2008 г., Москва) // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 150–153.

Статья поступила: 24.07.18. Принята к публикации: 29.08.18.

THE SOVIET SOCIOLOGICAL ASSOCIATION IN INSTITUTIONALIZING SOCIOLOGY IN THE USSR

KAPTO A.S.

Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander S. KAPTO, Dr. Sci. (Philos.), Head of the UNESCO chair in social Sciences and Humanities at the Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (19mip90@mail.ru).

Abstract. The author considers the genesis and formation of the Soviet sociological Association, its role and place in the sociological renaissance (1950th – 1980th), which ended with the institutionalization of Russian sociology as an independent scientific and educational discipline. On the basis of official documents and declassified archival materials, the analysis of the stages, specific events and personalities of the renaissance process in sociology was carried out, they were given an objective assessment, the inconsistency of falsifications in this area was proved. The problems discussed in the article concern: 1) the integration of Soviet social science after 1953 into the International Sociological Association as the first step in the institutionalization of sociology in the USSR; 2) the key problems of the Soviet Sociological Association including the contribution of specific scientists of that time in the development and adoption of relevant decisions; 3) the institutionalization of Russian sociology as the final stage of the renaissance of sociology in our country.

Keywords: sociology, sociological Renaissance, institutionalization, integration (academic), international cooperation, convergence.

REFERENCES

- Academician G.V. Osipov is a Patriarch of Sociology. (2009) Moscow: Nauka. (In Russ.)
Decision, Charter, Governing Bodies of the Soviet Sociological Association. (1997) Moscow: AN SSSR, SSA. (In Russ.)

- Jubilee Scientific Session of the Russian Academy of Sciences (March 26, 2008, Moscow). (2008) *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 150–153. (In Russ.)
- Meetings with Pitrim Sorokin*. (2003) Ed. by I.B. Orlova. Moscow: RITS ISPI RAN. (In Russ.)
- Milestones of Russian Sociology. 1950–2000s*. (2010) Saint Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Mitrokhin L.N. (2005) *My Philosophical Interlocutors*. Saint Petersburg: RKHGA. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2010) The First President of the Soviet Sociological Association, Academician G.P. Frantsev. In: *Milestones of Russian Sociology. 1950–2000s*. Saint Petersburg: Aleteya: 96–104. (In Russ.)
- Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents*. (1992) Ed. and auth. pref. G.S. Batygin. Saint Petersburg: Russk. khristian. gum. in-t. (In Russ.)
- Sociology and Power. Documents. 1953–1968*. Collect. 1. (1997) Moscow: Akademiya nauk. (In Russ.)

Received: 24.07.18. Accepted: 29.08.18.